

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Воскресенье, 6-го сентября 1909 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ № 9782.

PERPETUUM MOBILE.

Маленький захолустный городокъ Болотинскъ, гдѣ все—и грязныя улицы, и дома, и люди изнемогаютъ отъ скуки и тоски, зашевелился, засуетился. Появились въ немъ новые люди,—инженеры, техники, подрядчики... Мимо Болотинска проводилась желѣзная до-рода, а въ самомъ городѣ строился вокзалъ и депо съ прочими зданіями. Главный инженеръ Мариновъ, толстый, среднихъ лѣтъ человѣкъ съ рыжей бородкой и заплывшими масляными глазками, снялъ въ центрѣ города двухэтажный домъ. Въ нижнемъ эта-жѣ помѣщалась его контора, вѣчно переполненная людьми. Здѣсь съ утра до вечера не прекращался шумъ. Телефонъ безпрерывно звонилъ. У длинныхъ столовъ съ линейками въ рукахъ стояли техники и, употребляя циркули, глубокомысленно разрисовы-вали на большихъ бумагахъ замысло-вательные рисунки.

Такъ какъ все это происходило въ лѣтнее время, то окна мариновской

Шамиль.

Бывшій вождь кавказскихъ гор-
цевъ и имамъ мюридовъ. По слу-
чаю 50-лѣтія его плѣненія.

тельно, скоро будутъ играть и пѣть. И дѣйствительно, какъ только ужинъ заканчивался, начиналось пѣніе подъ аккомпанементъ рояля. Женскій го-лосъ пѣлъ цыганскіе романсы, причемъ слова „люблю“, „обожаю“, „страстно“, которыя часто повторялись въ этихъ романсахъ, произносились тягуче ви-бррирующимъ жгучимъ голосомъ и въ но-съ. Это пѣла Анастасія Петровна, жена Маринова. Болотинскія дамы ка-кимъ то чудомъ узнали, что Анастасія Петровна лишь два года тому назадъ была кафешантанной пѣвицей и теперъ живетъ у Маринова. Весьма строгія на счетъ добродѣтели, болотинскія дамы говорили объ инженерской „На-стѣ“ презрительно, но тѣмъ не менѣе многія изъ нихъ, встрѣчая эту краси-вую женщину, всегда сіяющую въ брилліантахъ и роскошно одѣтую, втайнѣ завидовали ей.

Послѣ пѣнія Анастасіи Петровны на окно ставился граммофонъ, и изъ темнаго отверстія большой трубы гул-ко раздавались оперныя аріи, роман-сы, вальсы.

Плѣненный Шамиль

передъ княземъ Барятинскимъ, 26 августа 1859 г.

ко ноторы были преимущественно от-
крыты, и потому болотинскимъ обыва-
телямъ, которые вообще больше охот-
ники останавливались у открытыхъ
оконъ, были известны всѣ подробно-
сти „желѣзнодорожного мірка“. Такъ
называлась мариновская контора.

Когда наступали сумерки, въ ниж-
немъ этажѣ дома, занимаемаго Мари-
новымъ, все затихало. Зато въ верх-
немъ этажѣ начиналась другая жизнь.
Окна были ярко освѣщены. Оттуда
доносился веселый говоръ мужчинъ,

который переплетался со смѣхомъ и
взвизгиваніемъ женскихъ голосовъ.
Воздухъ оглашался звономъ посуды.
Иногда какой нибудь мужской голосъ
что то пробаситъ и покроется хоро-
вымъ „ура“. Болотинцы, „къ сожалѣ-
нію“, не могли видѣть, что дѣлается
въ верхнемъ этажѣ, и потому жадно и
напряженно ловили каждый доносив-
шейся оттуда звукъ.

Когда говоръ тамъ утихалъ, стоявшая
на улицѣ болотинская публика понимала, что ужинаютъ и, слѣдова-

Наконецъ, музыка прекращалась, и
голоса утихали. Только изрѣдка до-
носились слова: „пасъ“, „покупаю“, „безъ двухъ“, и лишь къ утру, когда
Болотинскъ былъ объятъ сладкимъ
сномъ, въ верхнемъ этажѣ инженер-
ской квартиры тушились огни...

Съ прїѣздомъ въ Болотинскъ но-
выхъ людей, воцарилось оживленіе
также и въ мѣстномъ клубѣ. Особен-
но весело бывало по воскреснымъ
днямъ. Захудалый провинціальный ор-
кестръ игралъ „Дунайскія волны“, и

Фредерик Кукъ,
открывший съверный полюсъ.

боготинская представительница прекрасного пола въ вихрѣ вальса кружились съ техниками и инженерами. У карточныхъ столовъ жизнь текла интенсивно, а буфетъ торговалъ бойко. Главнымъ образомъ поддерживалъ торговлю прѣхавшій изъ Саратова богачъ-подрядчикъ Тучкинъ, который часто являлся въ клубъ.

Вначалѣ Тучкинъ, бывало, сидѣлъ молча и, никѣмъ не замѣченный, все пилъ. Но дѣйствіе винныхъ паровъ, хотя медленно, но постепенно овладѣвало имъ и, наконецъ, доводило до тогож состоянія, когда хотѣлось веселиться во всю, до самозабвенія...

Тогда Тучкинъ выходилъ изъ буфетной и пьяныхъ голосомъ обращался къ публикѣ:

— Бросьте, господа, карты. Ничего въ нихъ путнаго нѣтъ: одна жадность да и только. Давайте-ка лучше повеселимся. Я вродѣ того, какъ бы вы-

шелъ изъ своихъ береговъ... Однимъ словомъ гулять хочу, да такъ, чтобы всѣ чувствовали Тучкина веселье. Уговариваю, кто сколько можетъ. Я плачу; денежки то есть...

Предложеніе Тучкина принималось единогласно, и офиціанты стали подавать вина и закуски.

Эй, музыка, ревѣль Тучкинъ,—жаръ „Маргарита, ты меня не любишь“. Музыка начинала играть Маргариту, и подъ эту пѣсню подрядчикъ плясалъ „камаринскаго“.

— Дамъ десятку, двѣ десятки дамъ,—только ради Бога жарьте скорѣе—кричалъ разгоряченный саратовскій купецъ. Темпъ пѣсни ускорялся, и Тучкинъ долго неистово плясалъ, пока обезименный падалъ на кресло...

— Скучные вы всѣ, господа,—говорилъ разочарованно и устало Тучкинъ. У насъ умѣютъ веселиться. Иной разъ пустышился по матушкѣ Волгѣ, да такъ разгуляешься, что забудешь, кто ты и какъ тебя зовутъ...

Прошло полтора года. Всѣ работы по постройкѣ дороги были закончены. На краю города красовался вокзалъ со многими зданіями, и все это было окрашено въ темнозеленый цвѣтъ.

Начало функционированія дороги ознаменовалось празднествомъ. Платформа и мѣстность, прилегающая къ вокзалу, были запружены народомъ.

Цѣлый день носился поѣздъ туда и обратно на ближайшій станціи. Въ этотъ день поѣздъ возилъ пассажировъ бесплатно. Глядя на лица пассажировъ, свѣтившихся радостно оживленными и вмѣстѣ съ тѣмъ вдохновеннымъ выражениемъ, можно было подумать, что они ѳдутъ не по полотну дороги, а несутся на облакахъ...

Внутрь вокзала публика не допускалась. Тамъ, въ залахъ второго и третьего классовъ, на длинныхъ, на-

Пири,
открывшій съверный полюсъ.

крытихъ бѣлосѣжными скатертями-столахъ, симметрично были разставлены цвѣты, бутылки, бокалы и приборы.

Въ началѣ девятаго часа вечера, когда вокзалъ былъ иллюминованъ

разноцвѣтными фонариками, начали съѣзжаться гости на „желѣзноморожній“ балъ.

На этотъ балъ были приглашены всѣ видные люди Болотинска.

Прѣхаль исправникъ Громобоевъ съ помощникомъ Безкровнымъ. За ними послѣдовали начальникъ почтово-телефонной конторы Сургушкинъ и судья Лимонкинъ.

Затѣмъ явились: городской голова Фуфыринъ, казначей Запекинъ, нотаріусъ Кваша и другіе мѣстные чиновники.

Прѣхали также приглашенные изъ уѣзда помѣщики. Число гостей все болѣе росло. Были,

конечно, подрядчики съ извѣстнымъ читателю Тучкинъ во главѣ. Какъ угорѣлье, туда и сюда шныряли офи-

фиціанты. Грязнулъ военный оркестръ, вызванный изъ ближайшаго къ Болотинску города, гдѣ стоялъ полкъ, и баль начался...

Сначала было какъ то скучновато, но не прошло и часа, какъ всѣ гости оживились и почувствовали себя объединенными однимъ общимъ настроемъ. Настроение это по мѣрѣ того, какъ число опорожняемыхъ бутылокъ увеличивалось, дѣлалось все болѣе веселымъ...

Начались тосты. Первый говорилъ Мариновъ. Онъ долго распространялъ о культурѣ, прогрессѣ и цивилизациѣ, дѣлающихъ все большія и большія завоеванія. Во время этой длинной рѣчи почтмейстеръ Сургушкинъ впился влюбленными глазами въ жареную индѣйку и вздыхалъ. Выраженіе его лица было такое, какое бываетъ у человѣка, которому рассказываютъ о чемъ то очень грустномъ. Но когда Мариновъ заговорилъ о своей „скромной“ роли и о томъ, что о Болотинскомъ онъ сохранилъ самыя пріятныя воспоминанія, Сургушкинъ понялъ, что рѣчь близится къ концу, и его глаза

Преосвященный Василий,
епископъ Сумскій, викарій Харьковской епархіи.

имѣющая такіхъ талантливыхъ, самоотверженныхъ и безкорыстныхъ сыновъ».

Фуфырина также качали.

Сказалъ нѣсколько теплыхъ словъ судья. Онъ, видимо, хотѣлъ произнести длинную и очень умную рѣчь, но языкъ съ трудомъ поворачивался въ рту и не повиновался. Лимонкинъ смотрѣлъ какъ то безпомощно и только сказалъ: „я очень радъ и счастливъ, что всѣ мы собрались и все такъ хорошо устроилось“. Что онъ подразумѣвалъ подъ словомъ „все“, никто не зналъ, да и самъ Лимонкинъ затруднился бы дать ясное объясненіе: такъ въ его головѣ всѣ перепуталось...

За словами Лимонкина послѣдовала рѣчь подрядчика Тучкина. Онъ такъ громко кричалъ, какъ будто слушатели находились отъ него на очень далекомъ разстояніи. Жестикулируя руками, словно защищаясь ими отъ кого то, Тучкинъ выражалъ надежду, что наступить время, когда Россія покроется такой густой сѣтью желѣзныхъ дорогъ, что не будетъ ни одной деревни, куда нельзя было бы поѣхать поѣздомъ. Всѣ были въ восторгѣ отъ такой перспективы. Нотаріусъ Кваша съ покраснѣвшимъ носомъ и блуждающими глазами былъ въ какомъ то эзальтированномъ состояніи.

„Да здравствуетъ конгрессъ (онъ, очевидно, имѣлъ въ виду прогрессъ) и всѣ желѣзныя дороги“, заоралъ Кваша, когда качали Тучкина.

Рѣчи закончились, и наступилъ тотъ моментъ, когда ужинъ, такъ сказать, былъ въ разгарѣ. Гости съ увлечениемъ уничтожали кушанья, которыя въ изобилии подавались къ столу. Никто уже не говорилъ: въ воздухѣ стоялъ шумъ отъ громкаго жеванія и аппетитныхъ причмокиваний...

Послѣ ужина заграла музыка. Тучкинъ потребовалъ, чтобы жарили „Маргариту“, и долго онъ плясалъ подъ этотъ мотивъ. Остальные гости также зашевелились. „Маргарита“ смѣнилась „Камаринскимъ“, и всѣ, за исключениемъ тѣхъ, кто не былъ въ состояніи держаться на ногахъ, лихо плясали...

На завтра Мариновъ дѣлалъ прошальные визиты. Онъ уѣзжалъ въ Лужицы, гдѣ предстояло перестроить узкоколейную дорогу на ширококолейную.

Не прошло и трехъ мѣсяцевъ, какъ болотинцы окончательно свыклись съ желѣзодорожными порядками и традиціями.

— Можно? говорить въ пространство болотинскій обыватель-пассажиръ, быстро проходя мимо кондуктора.

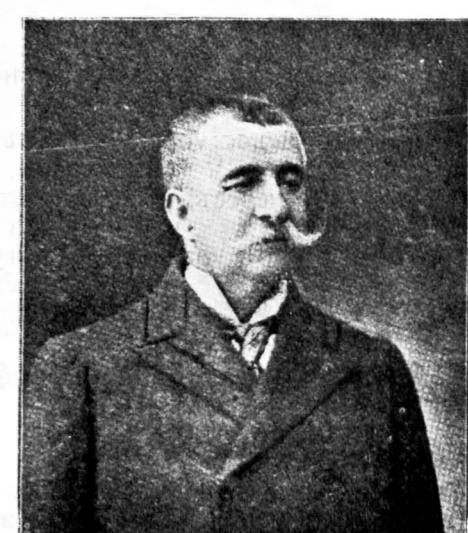
— Садись въ задній вагонъ, отвѣчаетъ кондукторъ также въ пространство...

Григорій Слуцкій.

Сонъ кондора.

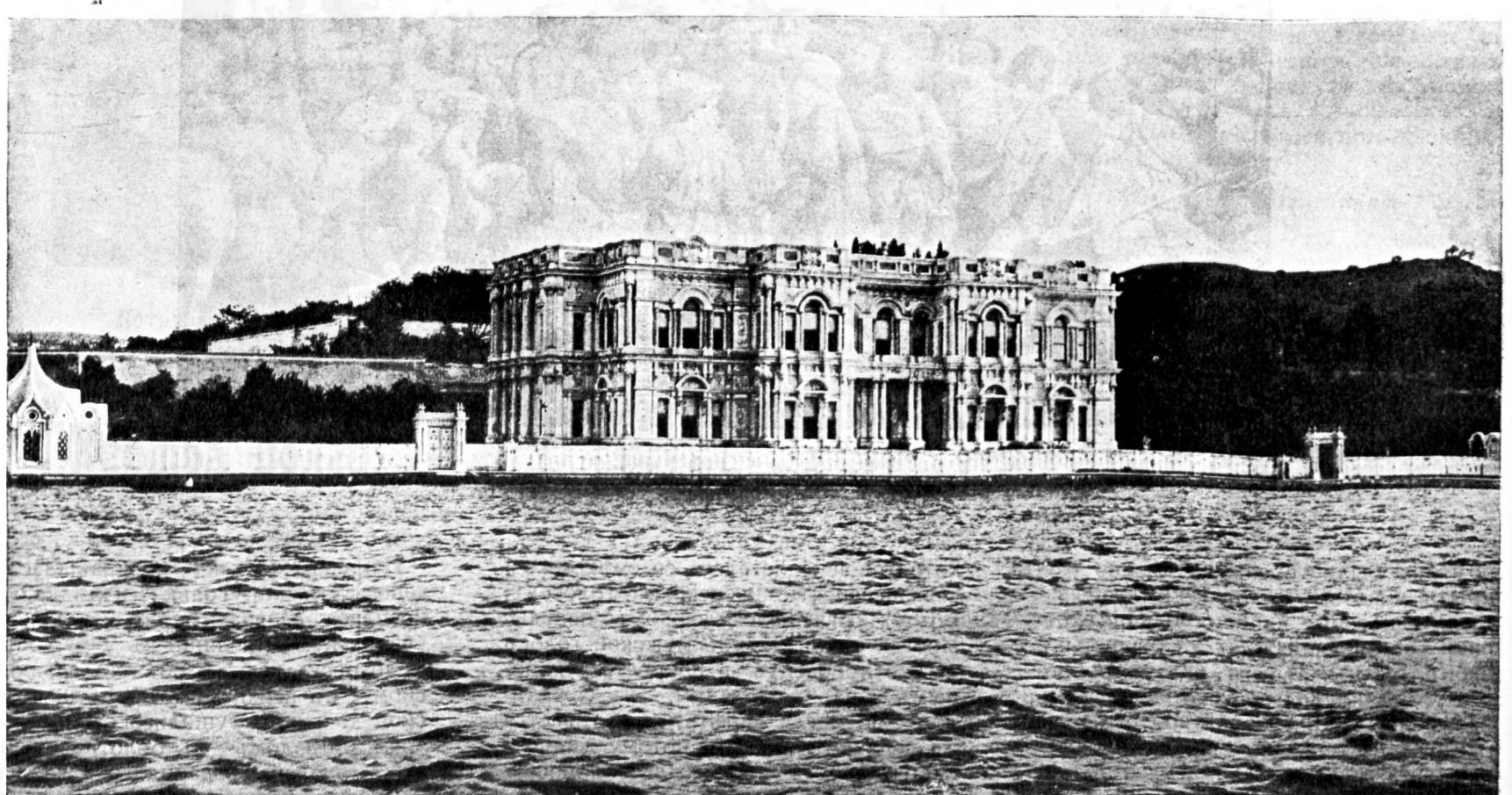
Laconte de Liste.

За уступами длинной стѣны Кордильеръ,
За туманными скалами черныхъ оловъ,
Выше снѣжныхъ вершинъ и туманы
И застывшее лавой увитыхъ хребтовъ,

Мавромихалисъ.
Новый первый министръ Греции.

Распахнувши въ пространствѣ два алыхъ крыла,
Мощный кондоръ въ угрюмомъ безстрастіи парить,
И холодный блескъ глазъ его тихо
Слѣпить
Солнца тусклыхъ лучей золотая стрѣльба.
Дали дикихъ пампасовъ, охваченныхъ тѣмъ,
Побережья, селенья окуталь туманъ.
Потускнѣль, золотясь, горизонтъ голубой,
И покрылся зловѣщею мглой океанъ.
Онъ, какъ призракъ, одинъ на вершинѣ скалы—
Бѣлизна снѣговая и алость крыла—
Чутко слушаетъ, какъ набѣгаютъ валы
И зловѣще бунтуетъ безкрайняя мгла.
Средь небесныхъ пространствъ
Южный Крестъ запылья.
Кондоръ вдругъ издаѣтъ хриплый радостный стонъ,
Оперенье топорщить въ безмолвіи скаль

Бейлербей.

Дворецъ на Анатолійскомъ берегу Босфора, приготовленный для Высокихъ посѣтителей.

Графъ Сарагосскій и Маркизъ де Виллецеріотто,

испанские аристократы, студенты кембриджского университета, какъ рядовые солдаты подъ Мелильей.

Въ вышину, недоступную даже вѣтрамъ,
И вдали отъ небесъ, и вдали отъ земли
Спить въ эаирѣ, отдавшись могу-
чимъ крыламъ.
Перев. В. Л.

СМѢСЬ.

Телефоны на большое разстояніе.

Телеграфы, несмотря на большія затрудненія, удалось, наконецъ, провести черезъ моря и океаны. Препятствія, съ которыми прежде всего встрѣтился подводный телеграфъ, состояли главнымъ образомъ въ томъ, что въ изоляціонной оболочкѣ провода образовывался особый токъ, мѣшившій току настоящему. Соединеніе телефономъ мѣстъ, разделенныхъ даже не океаномъ, а только моремъ, до самаго недавняго времени казалось совершенно невозможнымъ. Только въ послѣднее время нѣсколько известныхъ физиковъ ревностно принялись за разрѣшеніе этой задачи. Первымъ результатомъ ихъ работы явилась возможность соединить телефономъ Берлинъ съ нѣсколькими большими городами на Скандинавскомъ полуостровѣ. Отчетливость звука зависѣтъ главнымъ образомъ отъ такъ-называемаго микрофона. Этотъ аппаратъ, недавно усовершенствованный норвежскимъ инженеромъ Фоссомъ, дѣлаетъ возможнымъ совершенно ясный разговоръ на разстояніи въ 3000 километровъ.

Какую жару можетъ человѣкъ вынести.

Хотя нынѣшнее лѣто и не побуждаетъ насъ къ такимъ разсужденіямъ, однако въ Америкѣ стоитъ такая страшная жара, что народъ тамъ утѣшаются только тѣмъ, что бываетъ и хуже. Такъ, доказано, что въ Африкѣ темпе-

ратура +50° С.—вещь самая обыкновенная. Знаменитый Ливингстонъ пишетъ въ своихъ запискахъ, что считалъ себя счастливчикомъ, когда могъ отдохнуть въ тѣни +38° С. Въ Гималайяхъ на высотѣ въ 10,000 фут. на скалахъ стоитъ температура +55°, тогда какъ въ ущельяхъ —5°. Въ самыхъ тяжелыхъ, въ отношеніи жары, условіяхъ находятся корабельные истопники. На Красномъ морѣ и въ Персидскомъ заливѣ подъ палубой судна въ отдѣленіи машинъ и котловъ стоитъ жара отъ 50 до 60°, несмотря на превосходную вентиляцію. Англійскіе физіологи Благденъ и Шантрэй дѣлали любопытные опыты, какую температуру въ состояніи вынести человѣкъ. Ученые запирались въ специальную печь и заявляютъ, что вполнѣ здоровый человѣкъ можетъ тамъ пробыть нѣсколько минутъ при температурѣ +100°, а физіологическая перемѣна замѣтна только въ томъ, что потъ выступаетъ изобильнѣе и тутъ же переходитъ въ паръ.

Удивительное путешествіе женщины.

Шарлота Мансфельдъ, англійская писательница, на дняхъ вернулась въ Лондонъ послѣ необыкновенного путешествія. Она прошла вдоль всей Африки, отъ Капштадта до Каира, то есть 16728 англійскихъ миль въ теченіе 218 дней, одна, только въ сопровожденіи двоихъ носильщиковъ-негровъ. Доѣхавъ по желѣзной дорогѣ отъ Капштадта до Брокенъ-Гилль, она шла ни много, ни мало 873 километра пѣшкомъ, или ее несли въ гамакѣ ея черные товарищи, и дальше путешествіе до самаго конца она совершила именно такимъ способомъ, только съ короткими перерывами, во время которыхъ могла подвигаться по желѣзной дорогѣ или на лодкѣ. Появленіе бѣлой женщины въ дикихъ и малоизвестныхъ частяхъ Африки вызывало у мѣстныхъ жителей сильное изумленіе

не только однимъ ея цвѣтомъ кожи,— больше всего изумлялись ея свѣтлымъ волосамъ и обуви на ногахъ. Но, приѣхавшіе къ ея виду, черные были съ ней вѣжливы и обходительны. Въ виду того, что миссъ Мансфельдъ посытила самая опасная части средней Африки, что цѣлые мѣсяцы была далеко отъ всякой культуры и что ей почти не съ кѣмъ было сказать слова, слѣдуетъ удивляться смѣлости этой путешественницы. Свои впечатлѣнія и научные наблюденія миссъ Мансфельдъ изложитъ въ скоромъ времени въ особой книжкѣ.

Уничтоженіе насѣкомыхъ растеніями.

Сдѣланъ рядъ наблюдений, что цвѣты асклепіадовыхъ растеній уничтожаютъ насѣкомыхъ. Констатировано, что цвѣты этихъ растеній, именно *actagia segofera*, имѣютъ способность захватывать насѣкомыхъ, которая садится на это растеніе во время его цвѣтенія. Они обладаютъ совершеннымъ механизмомъ, позволяющимъ имъ удерживать бабочку за хоботокъ. Бабочки ловятся цвѣтами такимъ способомъ въ большихъ количествахъ, независимо отъ ихъ роста и силы, даже самая большая тропическая разновидность, имѣющая размахъ крыльевъ до 12 см. Захваченные насѣкомыя умираютъ съ голода. Общее заключеніе, которое можно вывести изъ этихъ наблюдений, то, что насѣкомыя не играютъ такой большой роли въ оплодотвореніи асклепіадовыхъ, которая обычно имъ приписывается.

